

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31696/S086919080036490-6

Для цитирования: Чеснокова Н.А. [Рец. на] Wang Sixiang. *Boundless Winds of Empire: Rhetoric and Ritual in Early Chosŏn Diplomacy with Ming China*. New York: Columbia University Press, 2023. 456 p. ISBN: 978-0-231205-46-7. *Восток (Oriens)*. 2025. № 6. С. 268–272. DOI: 10.31696/S086919080036490-6

For citation: Chesnokova N.A. [Review of:] Wang Sixiang. *Boundless Winds of Empire: Rhetoric and Ritual in Early Chosŏn Diplomacy with Ming China*. New York: Columbia University Press, 2023. 456 p. ISBN: 978-0-231205-46-7. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 268–272. DOI: 10.31696/S086919080036490-6

WANG SIXIANG. *BOUNDLESS WINDS OF EMPIRE:
RHETORIC AND RITUAL IN EARLY CHOSŎN DIPLOMACY
WITH MING CHINA.*

NEW YORK: COLUMBIA UNIVERSITY PRESS,
2023. 456 P. ISBN: 978-0-231205-46-7

© 2025

Н.А. ЧЕШОКОВА^а

^а – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5749-6615; nchesnokova@hse.ru

Монография «Бескрайние ветры империи: Риторика и ритуал в дипломатии между ранним Чосоном и Минским Китаем» историка-корееведа Ван Сысяна (PhD, профессор UCLA) – книга крайне важная, потому что предлагает новый подход к анализу отношений между Кореей и Китаем в средневековый период, а именно между корейской династией Ли, которая управляла государством Чосон, и китайской династией Мин (1368–1644). Рамки исследования достаточно широки: практически вся первая половина периода Чосон (1392–1897) до начала японо-корейской Имджинской войны (1592–1597).

Книга состоит из четырех частей: «Общее прошлое» (*The Shared Past*), «Дипломатические практики» (*The Practice of Diplomacy*), «Экуменические границы» (*Ecumenical Boundaries*), «Империя словесности» (*An Empire of Letters*). Всего десять глав. Основные источники – исторические хроники, в том числе корейская летопись «Истинные записи правящего дома Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*), а также сочинения и комментарии средневековых чиновников. Большая часть источников в мировой научный оборот вводится впервые. Ключевое внимание уделено концепции *садэ* и ее реальному проявлению в корейско-китайской дипломатии.

Традиционно *садэ* переводят как «почитание старшего [государства]». Оно опирается на конфуцианский миропорядок, где отношения между государствами выстраиваются на основе пространственного расположения оных относительно «Срединного государства» и

степени «цивилизованности», знания ритуала. Появление термина и характеристику особых отношений между государствами связывают с разъяснениями Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.):

«...Радуются Небу те, кто ставит малое владение на службу большому; страшатся Неба те, кто ставит большое владение на службу малому. Радующиеся Небу охраняют Поднебесную, а страшящиеся Неба охраняют свое владение...» [Мэн-цзы, 1999, с. 31].

Отметим, что в Китае отношения между государствами, в том числе между Китаем и Кореей, часто именуют как *шида цзысяо* 事大字小 («служение старшему и забота о младшем»). Также используется *цзунфань гуаньси* 宗藩關係 либо *фаньшу гуаньси* 藩屬關係. Первый передает конфуцианское восприятие взаимоотношений между китайским императором и монархами соседних земель как между отцом и детьми. Другой дословно обозначает «отношения между близкими и дальними владениями» и связан с пространственным расположением государств, где ближние почитаются иначе, чем дальние. Существует сложность в четкой характеристике отношений между «Срединным государством» и его соседями [Song, 2012, p. 162–166].

Впервые особенные отношения между Кореей и Китаем появляются в период Объединенного Силла (VII–IX вв.) в правление вана Сондока (702–737), но именно в период Чосон они получают максимальную реализацию. Вместе с тем отношения *садэ* достаточно сложны для интерпретации, т.к. в конце XIX в. и особенно в начале XX в. интеллектуалы Чосона начинают воспринимать постоянное нахождение Кореи в рамках китаецентричного мира как давление и принуждение, возникает термин *садэджуый*. До сих пор нет единого представления о том, что такое *садэ* и как менялось его значение в течение китайско-корейской истории.

Большинство ученых полагает, что у *садэ* есть не только ритуальная сторона, но и практическая. Так, Хэджин Кан пишет, что *садэ* поддерживало баланс между «старшим» и «младшим» государствами («сюзереном» и «данниками»), сохраняя независимость «младшего» [Kang, 1997, p. 168]. Для государств Корейского полуострова *садэ*, таким образом, было некой формой сохранения государственности в условиях постоянного поддержания гармоничных отношений со «старшим». Тем не менее нет единого представления о том, насколько глубокой и искренней была эта «гармония».

Ван Сысян в «Бескрайних ветрах империи» убедительно доказывает, что неверно описывать *садэ* как единообразное состояние дипломатических отношений Кореей и Китаем. Более того, он акцентирует внимание на том, что в корне неверно воспринимать отношения между Кореей и Китаем в XV–XVII вв., опираясь *исключительно* на действия Мин в ходе Имджинской войны, которые часто воспринимаются как «типичное проявление отношений между Чосоном и Мин» (р. 8). Напротив, у корейских посланников, судя по хроникам, никогда не было четкого представления о позиции Мин относительно Чосона, и, соответственно, «каждый раз ситуация определяла то, как описывались эти отношения» (р. 152). Именно об этой неоднозначности Ван Сысян и повествует на примерах, обращая внимание на наиболее неоднозначные исторические периоды.

Ключевая мысль монографии, на наш взгляд, – это утверждение Ван Сысяна, что «чосонская дипломатия функционировала не потому, что следовала правилам даннической системы (tributary norms), но потому, что помогала их, прежде всего, создавать» (р. 171). Т.е., по нашему мнению, Ван Сысян подводит читателя к восприятию культурных взаимодействий между Чосоном и Мин в период XV–XVII вв., как к ранней форме «изобретенных традиций». Эта мысль, пусть и представляется крайне смелой и новаторской и бросает вызов традиционному представлению о *садэ*, во многом позволяет иначе взглянуть на то, как Чосон искусственно создавал свой неоконфуцианский облик, опираясь на собственные ожидания от абстрактного неоконфуцианского государства.

Перенимание и подражание согласовывались с традиционным китаецентричным представлением о «старшем», культурно доминирующем государстве, и «младшем». Эта система позволяла ставить «малое государство на службу большому» [Мэн-цзы, 1999, с. 31]. «Старшее» же государство воспринималось как ролевая модель, которой необходимо было подражать для роста и развития «младшего государства». Соответственно, тут вполне закономерна гипотеза Ван Сысяня, которую он планомерно доказывает на протяжении всей книги: корейцы ориентировались на «Срединное государство», которому пытались подражать, для того чтобы легитимировать себя политически и культурно, при этом наделяя перенимаемые символы новыми смыслами (р. 5).

Также Ван Сысян последовательно доказывает, что в связи с тем, что сами Мин позиционировали себя как наследников продолжительной имперской традиции, которая восходит к Яо и Шуню, а корейцы в своей риторике акцентировали внимание на то, что издревле были восточным государством рядом с Китаем, то взаимоотношения между Чосоном и Мин представляли собой лишь отдельный этап постоянной связи между корейскими и китайскими государствами (р. 50).

Иными словами, если взять за отправную точку, что государствам Корейского полуострова было необходимо постоянно поддерживать доброжелательные отношения с сильным государством на материке, то для новосозданного в 1392 г. Чосона было критически важно убедить Мин в своей лояльности, особенно в условиях возникшей проблемы легитимности основателя Чосона Ли Сонге.

Соответственно, поддерживая Мин, Чосон мог одновременно укреплять и *садэ* со «старшим» государством, и собственную легитимность внутри страны. Однако, по мнению Ван Сысяня, это приводило к тому, что Чосон не мог выходить за рамки дозволенного Мин, хотя внутри своей страны оставался свободным и позволял себе значительные отступления от дипломатических норм либо создавал новые. В этом контексте в корееведении часто упоминается деятельность вана Седжона, однако доподлинно его мотивы остаются неизвестны – действовал ли он с предпосылкой исправления действительных разночтений между корейской и китайской культурами либо же позиционировал Корею как потенциально независимое государство¹.

Ван Сысян приводит свой пример из истории Чосона XV в., который подтверждает готовность корейской стороны нарушать установленные ритуалы:

В Чосон приехали посланники из Китая, которых необходимо было во время церемоний размещать так, чтобы они сидели лицом к югу, потому что положение лицом на север традиционно на Дальнем Востоке почитается как положение высшего по статусу того, кто смотрит на юг. Однако посланники были этническими корейцами, которые были направлены в Мин и служили евнухами, а встретиться им нужно было с корейским принцем Суяном (будущим ваном Седжо). Соответственно, этнические корейцы оказались перед дилеммой: как представители китайской стороны, они должны были смотреть на вана как младшего, однако, с точки зрения их происхождения, они должны были подчиняться. Ситуация решилась благодаря компромиссу: Суян и посланники сели по оси восток-запад. Произошло это в 1435 г., однако уже к 1468 г. было зафиксировано как обязательная часть ритуала (р. 175).

Подобных случаев Ван Сысян приводит очень много, доказывая, что, помимо ритуальных отношений, значительную роль играли и личные отношения между правителями, аристократией и этническими корейцами и китайцами. И если случай с посадкой кажется историческим анекдотом, то среди более серьезных примеров, приведенных Ван

¹ Здесь можно вспомнить корёскую идею множественности «Сыновей Неба», представленную в исследованиях Ремко Брёкера [Breuker, 2003].

Сысяном, – многолетний обман корейской стороны, которая не сообщала Минскому Китаю сначала о низложении монарха Ёнсангуна, а затем его смерти (р. 160). Как «младшее» государства, Чосон был обязан сообщать о подобном.

Хотелось бы обратить внимание на следующий парадокс: фактически выбирая для себя путь «младшего» государства и перенимая китайские конфуцианские нормы и ценности, корейцы будто бы отказывались от собственной идентичности, однако именно стремление постоянно подчеркивать исторически долгие дипломатические отношения между «Срединным государством» и разными государствами Корейского полуострова приводило к усилению мифологизации корейской истории.

Известно, что именно Мин дали название «Чосон» новому государству конца XIV в., опираясь на записи в китайских источниках об уже существовавшем ранее государстве Чосон [Симбирцева, 2012, с. 41]. Так Мин подчеркнули преемственность между государствами – но если Древний Чосон легендарно существовал в период 2333 г. до н.э. – 108 г. до н.э., а новый Чосон был основан в 1392 г., то это означало, что Мин символически выстраивает преемственность между всеми государствами Корейского полуострова.

Впоследствии это проявлялось в том, что посланники Мин навещали алтари и храмы, посвященные мифическому основателю Древнего Чосона Тангуну, а среди корейских интеллектуалов стали популярны размышления о древней и мифологической истории Кореи. В частности, наибольшее внимание уделялось трем личностям – самому Тангуну, его преемнику Киджа (легендарно правил 1122–195 гг. до н.э.) и основателю Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.) Тонмёну /Чумону.

Все трое были важны для Чосона, т.к. их государства располагались на севере Корейского полуострова и с периода Корё (918–1392) представляли собой «исконную траекторию династической и культурной преемственности» (р. 248–249). Однако для Мин был важен только Киджа, т.к. он был выходцем из Китая, который, как считается, принял Древний Чосон от Тангуна. Поэтому Мин, даже совершая обязательные посещения мест памяти Тангуна, в письменных текстах акцентировали внимание на Киджа. Это привело к тому, что корейцы также стали выделять Киджа и формировать новую риторику для закрепления его в своем ритуальном и культурном пространстве – несмотря на то, что, как Ван Сысян ехидно замечает, Киджа мог никогда и не существовать (р. 249).

Почему же Киджа стал так важен, что в Чосоне наблюдается резкий рост сочинений, посвященных ему или упоминающих его? Если принять, что все остальные государства после Древнего Чосона являются преемниками Древнего Чосона, то Киджа – корейский правитель, который на заре цивилизации передал корейцам «правильные» нормы поведения, а потому сейчас из всех «восточных варваров» корейцы имеют право на особое к себе отношение со стороны «старшего государства». Таким образом, укрепление Киджа в корейской культурной традиции должно было способствовать укреплению Чосона: «Киджа объяснял Корею. Корея также объясняла Киджа» (р. 254). Единственное, что требовалось от корейских интеллектуалов – постоянно подтверждать преемственность государств Корейского полуострова по отношению друг к другу, что и было реализовано в многочисленных чосонских текстах о корейской истории и роли Киджа и его наследников на корейской земле.

Подводя итог, монография «Бескрайние ветры империи» ставит перед читателем много неожиданных и нестандартных вопросов, на большинство из которых дает четкие и понятные ответы. Вместе с тем отметим, что рассматривается преимущественно именно идеология и единой шкалы измерения ее нет. Кроме того, во многих примерах явно есть человеческий фактор – а значит, можно предположить, что в обществе одновременно существовали разные представления и идеи, и знаем мы лишь часть из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Мэн-цзы. Пер. с китайского, указ. В.С. Колоколова; под ред. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999 [*Mencius*. V.S. Kolokolov (tr.), L.N. Menschikov (ed.) Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999 (Russian translation)].

Симбирцева Т.М. *Владыки старой Кореи*. Москва: РГГУ, 2012 (Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. 35) [Simbirtseva T.M. *Rulers of Old Korea*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2012 (Orientalia et Classica. Vol. 35) (in Russian)].

Breuker R. Koryo as an Independent Realm: The Emperor's Clothers? *Korean Studies*. 2003. Vol. 27. Pp. 48–84.

Kang E.HJ. Korea's *Sadae-Kyorin* Diplomacy with the Rise of Ch'ing China. *Diplomacy and Ideology in Japanese-Korean Relations*. London: Palgrave Macmillan, 1997. Pp. 167–194.

Song Nianshen. 'Tributary' from a Multilateral and Multilayered Perspective. *The Chinese Journal of International Politics*. 2012. Vol. 5. Pp. 155–182.

Wang Sixiang. *Boundless Winds of Empire: Rhetoric and Ritual in Early Chosŏn Diplomacy with Ming China*. New York: Columbia University Press, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЧЕШОКОВА Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Nataliya A. CHESNOKOVA, PhD (History), Assistant Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 19.12.2025
Тираж 250 экз.

Формат 70×100/16
Зак. № 1222

Усл. печ. л. 19,53
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук,
Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН
Издатель: Институт востоковедения РАН
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ИП Сеньковский Н.А.
115407, Москва, Нагатинская наб., д. 54, пом. 4
Отпечатано: ИП Сеньковский Н.А.